

А да Веритас

Я навсегда
твоя победа.
И ты заранее прощён

Салон Ады. Шёпот кожи

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ада Веритас
Серия: Салон Ады. Шёпот
кожи. Книга 1 : Я навсегда твоя
победа. И ты заранее прощён

<https://litres.ru/74464213>

SelfPub; 2026

Аннотация

В её студию «Тёплое место» люди приходят шёпотом — чтобы оставить здесь свои тайны, о которых страшно говорить вслух.

Она — Ада, успешный психолог, женщина, которую отец учил всегда держать спину. Она знает всё о человеческих травмах и защитах. Но теория бессильна, когда в её жизнь врывается Матвей.

Он — архитектор, привыкший переводить чувства в сухую функцию, возводить монолитные стены и держать тотальный контроль над своей безопасностью. Его любовь — это брат, его забота — это приказы, его близость — это территория риска.

Это история не о слабости жертвы, а о колоссальной силе зрячей женщины. О том, как покорность становится осознанным выбором, а тишина — главным оружием. Как это — стоять у закрытой двери человека, который панически

боится подпустить кого-то близко: за его жестокостью скрывается раненый, нуждающийся в тепле мальчишка.

Она выбирает быть рядом — даже когда её отталкивают. Потому что настоящая близость держится на верности.

Ада Веритас
Серия: Салон Ады.
Шёпот кожи. Книга 1 :
Я навсегда твоя победа.
И ты заранее прощён

Посвящается М.Г.П.

Я видела тебя — всего. И я осталась.

Принятие — это не слабость.

Принятие — это когда ты

стоишь у закрытой двери

достаточно долго,

чтобы тот, кто за ней,

наконец понял-я не предам.

Я не уйду.

Пролог. Шёпот кожи

В моей студии пахнет дорогими маслами, уютом и чаем. Стены выкрашены в глубокий винный цвет — цвет сокровенных разговоров. Сюда, в «Тёплое место», приходят шёпотом. Люди ложатся на кушетку, закрывают глаза и доверяют мне свою кожу, за которой всегда прячутся обнажённые, испуганные души. Я психолог. Моя работа — профессиональ-

но слушать чужие исповеди, заделывать трещины в чужих судьбах и возвращать людям их опору. Я умею это делать. Я защитила диссертацию, я уважаемый человек, и репутация моего рода для меня священна.

Но профессия и сердце никогда не договариваются.

Когда в моей жизни появился Матвей, вся моя книжная психология рассыпалась в прах. Он не умел говорить на языке нежности. Его язык — это приказы, хватка, микроконтроль каждой брошенной ложки и жёсткий, забирающий силы секс, после которого он уходил в душ, словно смывая всякий след моего присутствия. В его мире уступить контроль означало проиграть и стать уязвимым. Каждое моё «нет» включало в нём раненого зверя, выстраивающего глухую оборону. Он наказывал меня тишиной, блокировал чатами, бросал в четырёхдневные блокады, выстраивая стену между его эго и той пугающей близостью, которая прорастала, между нами.

И я ползала. Я, выла от боли на полу, карауля телефон и записывая униженные голосовые. Моя гордость кричала от шока. Но моя душа оставалась целой.

Я не была жертвой. Жертва не выбирает — а я выбирала. Каждый раз, когда я возвращалась к его двери, зная, что меня встретит холод, я делала это осознанно. Не потому, что я была слепой — я была слишком зрячей. За его ледышкой, за его палачом, за его циничным «ты мне полезна» я видела человека, который отчаянно нуждался в доказательстве,

что он нужен. Настоящий. Раненый. Запертый в клетке собственной независимости.

Этот роман — мой неоконченный подарок ему на день рождения. Мой шёпот, который я больше не буду прятать. Я покажу ему все три года нашего прилива и отлива. Я положу перед ним эту книгу и ручку.

Потому что дверь приоткрыта на миллиметр. И я всё ещё стою снаружи. Я навсегда его победа. И он заранее прощён.

Глава 1. Двадцать минут у стены

Давайте знакомиться. Мне сорок восемь. Я слишком хорошо знаю, как это звучит в Астраграде — «почти полвека, незамужняя». В нашем южном, консервативном городе это до сих пор воспринимается как некий диагноз, повод для сочувственных или осуждающих вздохов за спиной. Но я давно перестала оправдываться перед чужими ожиданиями. Я отлично выгляжу — не благодаря, а вопреки всему: вопреки прошлым шрамам, вопреки бессонным ночам и глупым предрассудкам. Внешне мне едва дашь сорок, и то с натяжкой — скорее тридцать честных семь, если утренний свет падает правильно. Стройная, с пышными, женственными формами, которые в двадцать лет казались мне досадной проблемой, а к сорока восьми превратились в главное преимущество: высокая грудь, узкая талия и бёдра, которые я наконец-то научилась гордо носить. И голубые глаза, которые видят людей насквозь. Последнее — это уже профессиональ-

ное, вьевшееся под кожу, это не исправить.

Я психолог. Не парикмахер, не косметолог и не мастер маникюра, хотя обыватели в Астраграде долго пытались свести мою деятельность к банальному бытовому стандарту. *«Раз хозяйка салона красоты — значит, сама и стрижёт?»* Нет. Не стрижёт. У меня работают три прекрасных мастера — Лена, Диля и Римма. Они искусно колдуют над чужими лицами, волосами и руками. А я работаю с тем, что находится гораздо глубже. С тем, что под волосами. С головой. С сердцем. С той глухой, ноющей болью, которая годами не проходит.

Моя студия называется «Тёплое место». Я принципиально не стала выносить на вывеску стандартные слова вроде «салон» или «бьюти-центр». Мне хотелось, чтобы само название звучало как тихое, честное обещание. Словно кто-то близкий мягко говорит тебе с порога: *«Заходи. Здесь тебя не будут судить. Здесь тебе сначала просто дадут выдохнуть»*. И только потом, когда человек согрется, начинается всё остальное: стрижка, чашка кофе, маникюр или терапия. Но первым делом — выдох.

Мой папа всегда повторял мне в детстве: *«Дом, дочка, — это то место, где тебя никто не заставляет быть сильнее, чем ты есть на самом деле»*. Когда папы не стало — внезапно, тихо, словно кто-то щелкнул выключателем и погасил свет, — я с ужасом почувствовала, как мало в нашем раскаленном городе мест, где женщине позволено быть просто уставшей. Где не нужно натягивать дежурную улыбку, ес-

ли внутри всё выжжено дотла.

Именно поэтому я создала «Тёплое место». Не ради холодного коммерческого бизнеса. А для того, чтобы в Астраграде появилось хотя бы одно безопасное пространство, где измученные люди с их сложными, запутанными житейскими драмами могли без страха снять свою тяжелую ментальную броню. Пусть всего на час. Пусть только на время консультации или ухода за волосами. Но снять, доверившись теплу.

Стены в моей студии не белые и не модно-минималистичные, как принято в современных бьюти-пространствах. Они обиты плотной тканью глубокого, приглушённого винного цвета. Кое-где она чуть выцвела от астраградского солнца, и в этом есть своя честность. Ткань настоящая, не из дизайнерского каталога — я сама отыскивала эти рулоны из старых запасов на барахолке, долго подбирая оттенок. На стыках полотен тянутся тонкие золотые нити. Не декоративный багет, а обычные швейные нити, вплетённые вручную. Мне всегда нравилось, как они ловили свет: не кричали, не блестели, а едва заметно мерцали, будто карандашная линия на кальке, которую попытались стереть, но оставили едва уловимый след.

Пол — из тёмного, матового дерева с благородной шагренью, без капли лака. От времени и шагов оно стало только теплее. Я не люблю глянец. Глянец всегда лжёт. Он отражает не то, что есть на самом деле, а лишь то, что вы хотите продемонстрировать миру. А мне в этих стенах нужно жить

— по-настоящему жить, чувствовать и дышать.

На подоконниках у больших окон ровными рядами выстроены флаконы из тяжёлого тёмного стекла, похожие на старинные аптекарские склянки. Это не пустой антураж для красивых фото в соцсетях. Я действительно переливаю в них натуральные ароматические масла для своих сеансов: правильный запах помогает человеку незаметно для себя снять ментальную защиту, расслабиться и наконец-то заговорить о наболевшем. Рядом с флаконами живут книги. Не глянце-вые альбомы с картинками, а настоящие, зачитанные догмы: Юнг, Фрейд, Хиллман, Винникотт — с ворохом моих личных заметок и подчеркиваний на полях. Их можно без спроса брать, трогать, листать. Я никогда не прячу знания от людей: мои книги — это часть того тепла, которым я делюсь.

Да. Уютно. И тепло. Именно поэтому я и назвала это место так.

В тот день — в прохладный, прозрачный октябрьский полдень, когда солнце уже не жгло, а лишь мягко золотило кроны деревьев, — я стояла у большого зеркала в старинной резной раме, доставшейся мне от бабушки. Я лениво поправляла заколку в волосах, когда за спиной раздались шаги. Не хлопок двери — в «Тёплом месте» двери не хлопают, тяжелый морёный дуб закрывается плавно, с глухим, коротким, почти человеческим выдохом. Это были просто шаги. Ровные, размеренные, неторопливые. Человек, который так ходит, не суетится. Он привык абсолютно владеть каждым

метром пространства, по которому ступает.

Я обернулась. И первой моей мыслью, как ни странно, было вовсе не банальное «какой красивый». Мой профессиональный взгляд моментально зафиксировал другое: *он чертовски хорошо умеет носить себя.*

Это редкий дар. Привлекательных мужчин вокруг много — особенно у нас на юге, где яркая внешность еще не успела стать безликим глянцевым товаром. Но тех, кто по-настоящему понимает масштаб своей фактуры и умеет ею распоряжаться, единицы. Он — понимал. В его осанке, в развороте плеч сквозило что-то почти хищное, но при этом абсолютно не вульгарное, не выставленное напоказ. Скорее, это была врожденная маскировка сильного зверя: безупречно спокойная поза, едва заметная мягкая улыбка, ничего лишнего. И только его огромные, глубокие глаза... Эти глаза не просто смотрели. Они мгновенно и безошибочно оценивали всё, на что падал его взгляд.

Он смотрел на мою студию точно так же, как я смотрю на человека во время первой консультации — безошибочно считывая не внешние атрибуты, а то, что прячется между строк. Это гораздо позже я узнала, что Матвей — архитектор. А тогда я просто на подсознательном уровне почувствовала: этот мужчина умеет читать комнаты и объемы так же ювелирно, как я читаю человеческие души.

Высокий. Метр восемьдесят пять. Его масштаб я ощутила даже не глазами, а всем своим телом, которое вдруг чут-

ко зафиксировало эту колоссальную разницу в росте. Мои скромные сто пятьдесят сантиметров рядом с ним мгновенно показались мне еще меньше, чем были на самом деле — это было почти физическое ощущение, похожее на резкий перепад атмосферного давления.

Его волосы были густыми, темно-каштановыми, с едва заметной благородной сединой на висках. В них угадывалась та особая, плотная тяжесть, которая часто передается с кавказской кровью. У Матвея, как я выяснила впоследствии, мама была аваркой, а отец — русским. И эта полярная смесь подарила его облику не слащавую эталонную красоту, а нечто гораздо более острое, породистое. Высокие, четкие скулы, словно прочерченные по стальной линейке. Прямой нос с едва уловимой горбинкой — она слегка ломала безупречную симметрию профиля, делая его по-настоящему живым. Смуглая, матовая кожа теплого оттенка старого янтаря. И глаза. Глубокие, карие, кажущиеся в винном полумраке моей студии почти черными. У него был удивительный взгляд: медленный, тягучий, создающий обманчивое впечатление, будто человек никуда не спешит и думает не торопясь. Хотя на самом деле его мозг работал в разы быстрее, чем у всех окружающих.

Ему было сорок лет. Тогда, на пороге «Тёплого места», я дала бы ему максимум тридцать пять. Матвей принадлежал к той редкой категории мужчин, которых возраст не старит, а бережно точит, словно дорогой нож: безжалостно убирает

всё лишнее, оставляя лишь самую прочную, стальную суть. Сегодня, зная, какой непосильный груз ответственности он тащил на себе с семнадцати лет после гибели отца, я понимаю — эта сталь выковывалась через жесткую нехватку тепла. Но в тот октябрьский полдень он был для меня просто красивой, опасной загадкой.

Он замер у входа, словно считывал атмосферу салона кожей. А затем медленно перевел свой взгляд на меня.

— «Тёплое место», — повторил он, словно пробуя незнакомые слова на вкус. — Странное название для салона.

— Это не салон, — сказала я спокойно, выдерживая его взгляд. — Это место, где человека сначала согревают. А потом уже делают красивым.

Он чуть наклонил голову вбок, будто взвешивал мои слова на невидимых весах. И в этот момент я вдруг поняла, что этот мужчина пришёл сюда вовсе не за быти-услугами. Он пришёл проверить, правда ли здесь тепло. Или просто посмотреть, как именно я буду это тепло защищать и объяснять. Матвей медленно подошел к полке, взял один из флаконов из темного стекла. Не открывая его, просто поднёс к свету и плавно повернул в пальцах. Длинные, безупречной формы пальцы. Я заметила это одновременно и профессионально, и чисто по-женски. Руки всегда говорят о человеке гораздо больше, чем лицо. Его руки буквально кричали: абсолютная уверенность, привычка к математической точ-

ности и... острая, хроническая нехватка тепла, которую он маскировал контролем.

— У вас тут совсем не похоже на салон, — сказал он. В его голосе не было упрёка. Только глубокий, искренний интерес.

— А на что похоже? — тихо спросила я.

Он чуть помедлил. Не потому, что запутался или не знал, что ответить — я видела по его глазам, что он знал ответ ещё до того, как переступил порог дубовой двери. Просто он, как истинный архитектор, ювелирно подбирал самое точное, идеальное слово.

— На кабинет. На чей-то очень личный кабинет. Где человек не просто работает, а... лечит.

Он произнес это «лечит», и я физически почувствовала, как внутри меня что-то сдвинулось с привычной оси. Он не сказал банальное «стрижёт», «бреет» или «красит». Он сказал «лечит». Этот закрытый мужчина с первой минуты понял самую суть моего пространства.

-Я не парикмахер, — подтвердила я ровно.

- Я знаю. Ракитин сказал.

- Ракитин слишком много говорит.

- Ракитин говорит точно, — Матвей плавно опустил флакон на место. — Он сказал, что вы психолог. И что вы заново

собираете сломанных людей.

Я чуть усмехнулась, качнув головой. Ракитин — наш местный преподаватель философии из пединститута, пожалуй, единственный человек в Астраграде, способный на такие формулировки в обычном бытовом разговоре.

— Ракитин — философ. А философы, как известно, склонны преувеличивать.

— А психологи — преуменьшать?

Вот тут я посмотрела на него по-настоящему. На секунду сорвав с себя все защитные роли — не как хозяйка студии, не как опытный специалист, а просто как женщина. И в то же мгновение ощутила то, что категорически не должна была чувствовать на рабочем месте: тёплую, густую, осязаемую волну, которая стремительно поднялась откуда-то снизу и подступила к самому горлу. Это не было банальное физическое желание — ещё нет. Но это было чёткое, пугающее предчувствие этого желания. Моё тело гораздо раньше упрямого мозга вспомнило, как это бывает, когда мужчина смотрит на тебя *так*. Не на открытую кожу, не на изгибы фигуры, а сквозь них, глубоко внутрь — до самого потаённого места, где живет всё живое, трепетное и незащищённое.

«Стоп, — жестко приказала я самой себе. — Возьми себя в руки. Ты профессионал. Ты всего три месяца назад кое-как вылезла из-под тяжёлых жизненных обломков, твои внутренние швы ещё ноют и кровоточат. Полгода, как не стало

папы, ты ещё не оправилась от потери. Ты ментально не можешь себе этого позволить. Не смей».

— Вы будете... — я на секунду запнулась, выравнивая дыхание. — Вы хотите записаться на стрижку? Или...

— Нет, — отрезал он, глядя прямо мне в глаза. — Не на стрижку. Я хотел бы поговорить. С вами.

Он выделил голосом именно это «с вами», а не официальное «записаться на консультацию». Не «к вам» — а именно «с вами». Как психолог я мгновенно уловила этот маркер: предлог «с» — это всегда про абсолютное равенство. Про осознанное партнёрство. Про то, что этот мужчина никогда не признает себя слабым пациентом. Он не собирался покорно лечь на мою терапевтическую кушетку — он намеревался сесть строго напротив, как равная, априори доминирующая сила.

- У меня клиент через полчаса, — ответила я, глядя на часы. — Вы можете подождать. Или записаться и прийти завтра.

- Я подожду, — спокойно произнес он.

Матвей уверенно прошёл вглубь комнаты и сел в глубокое кресло у окна — то самое, с мягкими уютными подушками. Я краем глаза заметила, как он медленно провёл своей широкой ладонью по деревянным подлокотникам. Просто коснулся фактуры. Так делает человек, который привык осязать

материалы руками, чтобы до конца понять их скрытую суть.

— Вы архитектор? — спросила я, хотя ответ Ракитина уже жил в моей голове.

— Да. А вы?

— Я? — я чуть приподняла идеальную бровь. — Вы же прекрасно знаете ответ. Ракитин вам всё подробно изложил.

— Ракитин рассказал мне, кто вы по паспорту и диплому, — Матвей откинулся на спинку кресла. — А я хочу услышать, как вы сами себя назовёте.

Вот так. Короткая, простая формулировка — а внутри неё скрывалась изощренная психологическая ловушка. Этот мужчина уже на первой минуте нашего знакомства начал свою тонкую игру. Он спрашивал не о профессии, он просил меня выбрать маску, надеть привычную роль, показать, кем именно я хочу казаться в его присутствии. Классический, очень сильный приём контроля. Если бы на его месте была я, я бы использовала точно такой же.

«Манипулятор, — пронеслось в моей голове. — Холодный, расчётливый, умеющий ювелирно выжидать. И чертовски красивый. Почему он так красив, господи?»

— Я называю себя психологом, — ответила я, выпрямляя спину. — Просто психологом. Без лишних приставок и регалий. Диссертация — это всего лишь документ в архиве, а

не титул для жизни.

— Скромно.

— Честно.

Он чуть наклонил голову вбок. Его полуулыбка — не широкая, не открытая, а едва заметная, затаившаяся в самом уголке губ — стала немного глубже.

— Честность — слишком опасная позиция для первой встречи, вам не кажется?

— Для первой встречи по-настоящему опасна только ложь, — отрезала я. — А честность — это просто скорость.

— Скорость? — Матвей заинтересованно приподнял бровь.

— Честность колоссально ускоряет абсолютно всё, — пояснила я, проходя к своему столу. — Знакомство, сближение, неизбежное разочарование или привязанность. Всё зависит исключительно от того, что именно вы ищете в конечном итоге.

— А что ищу я? — его голос стал чуть тише, бархатнее.

— Вы хотите, чтобы я ответила на этот вопрос за вас?

— Ну, вы же психолог.

— Я психолог, Матвей, а не телепат.

— Ракитин уверял, что разница между этими понятиями небольшая.

Я коротко, негромко рассмеялась. Он всё-таки этого добился. Он заставил меня искренне рассмеяться, сняв мое первичное напряжение. В эту секунду я успела заметить, как его карие глаза на долю мгновения стали теплее — словно его внутренний контролёр удовлетворенно сделал пометку: *«Цель достигнута. Контакт установлен»*. И тут же, в следующее мгновение, его взгляд снова вернулся в свое привычное состояние — стал холодным, оценивающим, сугубо профессиональным.

«Он играет, — отчетливо поняла я тогда, глядя на него сквозь ресницы. — Играет точно так же, как умею играть я сама. Вот только я веду эту игру ради исцеления пациента. А он... ради чего играет он?»

Эти двадцать минут у стены пролетели как одно короткое мгновение. Матвей больше ничего не спрашивал. Он, молча и сосредоточенно листал найденную на полке книгу — Винникотта, как я успела заметить, — а я методично готовила кабинет к приходу следующего клиента. Из рабочей зоны студии доносился мягкий, убаюкивающий голос Лены — она тихо и ровно объясняла женщине нюансы подбора крас-

ки для волос.

Но здесь, в нашем пространстве с Матвеем, царила совсем иная тишина. Она не была пустой или неловкой. Она была невероятно плотной, тяжелой, наэлектризованной до предела — точь-в-точь как сухой воздух над городом перед сильной степной грозой. Каждый раз, поворачиваясь к окну или столу, я физически, кожей спины чувствовала его присутствие. Чувствовала, как его тяжелый, неторопливый взгляд медленно проходит по мне — от шеи к талии, от талии к бёдрам. В этом осмотре не было пошлой, банальной похоти. Это было предельно внимательное, холодное изучение. Точно так же, как пять минут назад он изучал фактуру дубовой двери, структуру стен и текст в сложной психологической книге.

Он не просто смотрел на меня. Он методично каталогизировал меня, раскладывая мою личность по своим невидимым архитектурным полочкам. И я, сама того не ведая, добровольно позволяла ему это делать.

Клиентка пришла ровно по расписанию — Марина, тридцать восемь лет, тяжелое тревожное расстройство, наш четвёртый сеанс. Я приветливо улыбнулась ей, проводила в кабинет и мягко закрыла за собой массивную дубовую дверь. И в ту же секунду я физически почувствовала, что Матвей встал со своего кресла. Я не видела этого сквозь глухое дерево, но отчетливо слышала: едва уловимо скрипнула старая половица. Скрипнула как-то легче, чем должна была под его

весом. Он неторопливо подошёл к кабинету. Не пытался открыть, не заглядывал — просто замер в коридоре, вплотную прижавшись к стене. Я знала, что он там, так же абсолютно точно, как знала расположение каждого предмета в своей студии.

Сеанс длился сорок минут. Марина сбивчиво, сквозь слезы говорила о затяжном кризисе с мужем, о панических атаках, о том, что в последнее время ей физически не хватает воздуха и она забывает, как дышать. Я профессионально слушала, понимающе кивала, вовремя задавала наводящие вопросы — и всю дорогу, каждую секунду, неотрывно думала о человеке за дверью. Он стояла там и слушал. Нет, не чужую интимную исповедь — он слушал исключительно меня. Мой голос. Мои профессиональные паузы. Мой темп, интонации и акценты. Он препарировал мою работу.

Когда заплаканная, но заметно выдохнувшая Марина наконец ушла, я вышла обратно в зал. Лена и Дилия к этому моменту тоже освободились и тихо ушли на перерыв — незаметно, не прощаясь, они давно привыкли к моему графику. Риммы за её маникюрным столом тоже не было — у неё образовалось «окно» между клиентами. Студия опустела. Матвей стоял у полки. Он как раз аккуратно возвращал Винникотта на место — поставил книгу бережно, корешком точно вровень с остальным книжным рядом. Идеальный перфекционизм.

— Ну и? — негромко спросила я, останавливаясь в паре

шагов.

— Вы почти не задаёте вопросов, — произнес он, не обращиваясь.

— Вам?

— Нет. Вообще. В своей работе, — Матвей медленно повернулся ко мне. — Я слушал. Вы никогда не спрашиваете человека «почему». Вы всегда спрашиваете «зачем».

— И для вас — это принципиально разные вещи?

— Для архитектора — безусловно, — он заложил руки в карманы брюк, и его взгляд снова стал тягучим. — Вопрос «почему» — это всегда обращение в прошлое. Искать виноватых, копаться в причинах разрушения. А вопрос «зачем» — это взгляд в будущее. Поиск цели, проектирование нового каркаса. Вы не копаетесь в обломках, Ада. Вы работаете с будущим.

Я замерла на месте. Не потому, что он открыл мне какую-то сакральную истину. А потому, что этот мужчина за сорок минут сформулировал главное правило моей двадцатилетней практики — сформулировал гораздо короче, точнее и жестче, чем это делала я сама в своих научных статьях.

— Вы прочитали это сейчас у Винникотта? — спросила

я, кивнув на полку.

— Нет, — Матвей сделал шаг навстречу, сокращая расстояние, между нами, до опасного максимума. — Я прочитал это в вас. За сорок минут у вашей стены.

— Вы совершенно не знаете меня, — выдохнула я. Мой голос прозвучал гораздо глуше и тише, чем я планировала.

— Я знаю главное, Ада, — он сделал еще один едва заметный шаг, окончательно лишая меня личного пространства. — Я знаю, что ты ещё не отошла от своей боли.

Он был чертовски прав. Я не отошла. Мой упрямый, радио-центричный мозг психолога в эту секунду полностью капитулировал перед природой — тело наотрез отказалось слушать голову. Оно просто замерло в режиме звенящего ожидания, и я физически почувствовала, как густая, томительная тяжесть разливается внутри, плотная и настойчивая, словно тающий на южном солнце мёд.

— Матвей... — тихо произнесла я. Не для того, чтобы что-то объяснить или добавить. А просто потому, что мне жизненно необходимо было примерить его имя на губах. Произнести его вслух, ощутив эту твердую, глухую текстуру с легким горловым «р» — тем самым кавказским штрихом, который делал любое слово неуловимо опасным.

— Да, — отозвался он.

И наклонился ко мне.

Не резко, без грубого напора. Очень медленно. Его губы сухо и невесомо коснулись моих — легко, словно осторожная проба, тактильный запрос. Безмолвный, но предельно четкий вопрос: «*Можно?*»

«*Категорически нельзя*», — отчаянно закричала здравая голова.

«*Да*», — уверенно ответило истосковавшееся по теплу тело.

Я ответила на поцелуй. Чуть приоткрыла губы — ровно настолько, чтобы этот мужчина понял: его здесь не выгонят, эта дверь для него не заперта. И Матвей вошел. Его язык коснулся моего — сначала бережно, а затем всё жестче и увереннее, словно он прямо сейчас, на моих глазах, сбрасывал с себя ту безупречную архитектурную точность, которую привык носить перед миром как вторую кожу. Его широкая ладонь легла мне на талию — тяжелая, невероятно горячая — и властно сжала кожу сквозь одежду. Не нежно. Хватко. Так сжимает вещь человек, который привык намертво держать то, что однажды решил взять себе.

Я почувствовала, как у меня предательски подгибаются колени. Почти полвека за плечами, колоссальный жизненный опыт, и вот я стою с подкашивающимися ногами от прикосновения мужчины, которого знаю от силы двадцать минут.

«Ты сошла с ума, Ада. Ты абсолютно, непоправимо ненормальная», — пронеслось где-то на периферии сознания.

Его рука медленно скользнула по моему бедру — вверх, под подол платья, — и горячие пальцы уверенно нашли край белья. Там, у самой границы дозволенного, он на секунду остановился. Матвей посмотрел мне прямо в глаза — сверху вниз, из-за своей двадцатисантиметровой разницы в росте. И от этого его доминирующего, накрывающего взгляда я физически почувствовала себя совсем маленькой, хрупкой и абсолютно незащищённой, что отозвалось во мне ещё более острой, безумной волной возбуждения.

— Матвей, что ты делаешь? Нет, нельзя... — я попыталась протестовать, скорее для очистки совести, цепляясь за остатки привычных приличий.

Но его грубоватое, брошенное сквозь зубы «Закрой рот» отозвалось во всем теле дрожью. В эту минуту моя вера, строгое южное воспитание, веками требующее от женщины покорности, и долго сдерживаемая внутри страсть вспыхнули единым, разрушительным пожаром. Я сдалась ему без остатка, прекратив любую борьбу. Каждое его движение безжалостно стирало выстроенные годами границы между болью и удовольствием, между социальным «нельзя» и первобытным «я хочу». В те секунды я не думала ни о правилах, ни о статусе, ни о последствиях — я просто отчаянно пыталась удержаться на самом краю бездны, которую сама же и

разрушила.

И всё вокруг стало стремительным, смазанным, быстрым. Его рука скользнула под ткань платья дальше, резче, без той обманчивой, выверенной мягкости, которая баюкала меня в самом начале. Его пальцы двигались уверенно, безошибочно, с той пугающей точностью, с какой опытный архитектор на ощупь знает, где в здании находится несущая стена. Он мгновенно нашёл то, что искал. Я судорожно задушила рвущийся стон, до крови закусив собственную губу, потому что где-то на самой дальней периферии затухающего сознания всё ещё отчаянно горел тревожный огонёк разума: *ты же психолог, у тебя студия, входная дверь не заперта, Марина только что ушла, Лена в любой момент может вернуться с перерыва, кто-нибудь с улицы может войти...*

Но этот огонёк погас. Сразу. Словно слабая свеча от резкого степного сквозняка.

Матвей легко подхватил меня одной рукой за бедро, приподняв над полом так просто, будто я вообще ничего не весила, и намертво прижал к винной ткани стены. Я инстинктивно обхватила его ногами, чувствуя, как его пальцы впиваются в мои бёдра — крепко, до будущих тёмных синяков. И в следующее мгновение он вошёл в меня.

Быстро. Резко. Без единой лишней паузы.

Я вскрикнула — не от боли, а от оглушительной полноты. От невероятного ощущения, которое, казалось, навсегда забыла: когда тебя заполняют целиком, без малейшего зазо-

ра, без воздуха, не оставляя внутри ни единого пространства для сомнений или страха. Он двигался жёстко, ровно, с той потрясающей точностью, которая была присуща ему во всём. Даже здесь, даже сейчас, с горящим взглядом и тяжёлым, прерывистым дыханием, Матвей полностью контролировал наш ритм.

А я — нет. Я в ту минуту не контролировала ровным счётом ничего. Мои руки отчаянно цеплялись за его широкие плечи, пальцы до треска рвали плотную ткань его рубашки, и я слышала — словно откуда-то со стороны, издалека — собственный голос. Короткие, рваные звуки, нечленораздельные стоны, не слова, а лишь жалкие обломки слов. Сам Матвей молчал. Слышалось только его тяжёлое, быстрое дыхание, и его карие, почти чёрные, немигающие глаза смотрели на меня в упор так, будто он намертво, на всю жизнь запоминал каждую черту моего лица, каждое мимолётное движение и каждый вырвавшийся звук.

«Он не теряет контроль, — обожгла меня внезапная мысль в ту долю секунды, когда сознание на мгновение прояснилось перед финальной вспышкой. — Этот мужчина не теряет контроль никогда. Даже сейчас. Особенно сейчас. Он не растворяется в страсти, он наблюдает. Он собирает данные. Он каталогизирует меня до конца».

Когда всё закончилось, мир вокруг нас неторопливо вернулся в свои привычные архитектурные границы. Матвей бережно опустил меня на деревянный пол, помог поправить

платье. В его движениях не было трусливой суеты или неловкости, свойственной случайным связям. Он застегнул пуговицы на рубашке, вернул себе безупречный вид и посмотрел на меня. Его взгляд снова стал холодным, выверенным, как чертёж.

— Завтра в это же время, Ада, — негромко произнёс он своим бархатным голосом, и это был не вопрос, а утверждение. Новое нерушимое правило.

Он развернулся и ушёл. Дубовая дверь «Тёплого места» закрылась за ним со своим привычным, коротким и глухим выдохом. А я осталась стоять одна посреди винного зала, вдыхая аромат его Givenchy Gentleman, перемешавшийся с моим жасмином. Я стояла у стены, чувствуя, как внутри медленно оседает шторм, а моё жёсткое утреннее обещание «никакой любви, только секс» лежит у моих ног разбитым вдребезги зеркалом. Ловушка захлопнулась. Но на пепелище своего прошлого я впервые за три года ощутила, что оживаю.

Глава 2. Полярная звезда

Он сказал: «Я приду завтра». И я проснулась с этой мыслью. Не от резкого звонка будильника, не от косых лучей южного солнца, пробившихся сквозь шторы — а именно от неё. От пяти коротких слов, которые он произнёс вчера перед уходом. За долгую, бессонную ночь они не рассеялись, не превратились в обычный фоновый шум, а остались со мной — стояли в сознании прочно, монументально, словно несущие

щие колонны, словно невидимые архитектурные опоры моего нового дня.

Я лежала, уставившись в потолок, и почему-то вспоминала папу. Он бы точно одобрил эту лаконичность. Папа никогда не любил лишнего. *«Лишнее, дочка, — любил повторять он, — это то, без чего вполне можно обойтись, но что потом отчаянно мешает тебе обойтись без самого себя»*. Я повторила эту фразу вслух, в звенящую пустоту спальни, и мне на какую-то секунду действительно стало легче. А затем снова привычно накрыло воспоминаниями. Папа. Онкология. Его тихий, мучительно быстрый уход. Его последнее, прощальное: «Всё будет хорошо». После его смерти я не впала в депрессию, я не боялась жить. Я просто... существовала. На автомате вставала по утрам, шла на работу, дышала. Но без своего главного якоря меня отчаянно качало на любых жизненных волнах.

Встав с постели, я покорно пошла умываться. Заварила наш семейный чай — крепкий, черный, с добавлением молока и без капли сахара, всё точно так, как любил папа. Посмотрела на себя в зеркало. Сколько мне сегодня? Сорок восемь или всё-таки тридцать семь? Всё зависело исключительно от угла падения света. Сегодня утренний свет Астраграде был на удивление милосердным, мягким. Тёмные круги под глазами, ставшие моими вечными спутниками от хронической бессонницы, папиной потери и общей усталости от жизни, никуда не делись. Но губы... Губы до сих пор оста-

вались чуть припухшими. Вчерашний день. Отголосок его жёсткого, жадного, подчиняющего поцелуя. Прошло больше двенадцати часов, а я всё ещё отчетливо чувствовала это горение на коже.

«Стоп. Собралась. Сними маску девчонки, Ада, мы просто работаем», — жестко приказала я себе.

В студию я приехала непривычно рано — почти на полчаса раньше обычного графика. Открыла массивную дверь из морёного дуба, услышав её глухой, знакомый выдох, и глубоко вдохнула родной воздух: терпкий жасмин, аромат старого дерева, прохлада текстиля. Моё пространство. Моё «Тёплое место». Здесь я абсолютно чётко знаю, кто я. Здесь, в этих стенах, я не слабая женщина, которую вчера без спроса прижали к стене спустя двадцать минут после знакомства. Здесь я — хозяйка. Опытный психолог. Взрослый, самодостаточный человек.

Лена пришла первой из мастеров. Она посмотрела на меня всего один раз — своим фирменным долгим взглядом сверху вниз — и ничего не сказала. Но по её глазам я мгновенно поняла: она всё заметила. Лена вообще обладала феноменальной интуицией на людей.

Диля вошла в зал следующей — уютная, мягкая, тёплая, как свежеиспечённый домашний хлеб. Она приветливо улыбнулась мне и вдруг замерла на полуслове, вглядываясь в моё лицо.

— Лен, — тихо, заговорщицки позвала она коллегу. —

Лен, иди-ка быстро сюда.

— Что там у вас? — отозвалась та из подсобки.

— Посмотри на неё. Пожалуйста, посмотри на нашу Аду.

Они обе встали в дверях и принялись молча разглядывать меня. И в их глазах я прочитала вовсе не праздное женское любопытство, а искреннюю, глубокую тревогу.

— Ну и что вы там увидели? — не выдержала я, откладывая журнал.

— Ничего страшного, — мягко ответила Диля. — Просто... ты сегодня какая-то совсем другая, Ада.

— Другая — это какая конкретно?

— Светящаяся, — вынесла вердикт Лена. Тихо, отстраненно, словно зачитывала медицинский диагноз.

— Глупости. Я не светящаяся. Я просто наконец-то нормально выпалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.